

Содержание

Предисловие	4
<u>Глава I.</u> Греческие Церкви в межвоенный период	18
Константинопольский Патриархат	18
Элладская Православная Церковь	119
<u>Глава II.</u> Поместные Православные Церкви славянских стран	140
Сербский Патриархат	140
Болгарская Православная Церковь	188
<u>Глава III.</u> Румынская и Албанская Церкви	224
Румынский Патриархат	224
Церковная жизнь Кишиневской епархии	254
Албанская Православная Церковь	279
Православная Церковь на территории Венгрии	285
<u>Глава IV.</u> Русская церковная эмиграция в Юго-Восточной Европе	305
Российская церковная эмиграция в Турции	305
Служение Русской Православной Церкви Заграницей в Югославии	361
Русское благочиние в Болгарии	473
Российская церковная эмиграция в Греции	548
Русские общины в Румынии	631
Список использованных архивов и фондов	643
Список сокращений	646

Предисловие

История Православных Церквей Юго-Востока Европы в период между двумя мировыми войнами характеризуется многими важными событиями. Эти годы стали переломными для целого ряда Поместных Православных Церквей Балканского полуострова. Сербская и Румынская Церкви после окончания Первой мировой войны существенно расширили свои территории и в 1920-е гг. приобрели статус Патриархата. В 1930-е гг. возникла новая автокефальная Православная Церковь — Албанская. Константинопольский Патриархат утратил все свои епархии в Малой Азии, но сумел сохраниться и даже увеличить свое влияние в Православном мире. При этом он перешел к неканоничной политике подчинения себе епархий и автономных Православных Церквей, отделившихся от Матери-Церкви, прежде всего Русской, а также к проведению ряда церковных реформ. Это привело к значительному ухудшению отношений как с Московским Патриархатом, так и с Русской Православной Церковью Заграницей.

Элладская Церковь, несмотря на поражение Греции в войне с Турцией, в целом расширила свое каноническую территорию и существенно увеличила паству. Росту ее влияния в православном мире способствовали и некоторые внутренние преобразования. Развитие же церковной жизни Болгарии в первой половине XX в., напротив, проходило очень драматично и характеризовалось целым рядом заметных потрясений, конфликтов и преобразований: значительным сокращением территории Болгарского экзархата в результате поражений страны в ходе Второй Балканской и Первой мировой войн, конфликтами с правительством и безуспешными попытками преодолеть схизму в 1920–1930-е гг. Несмотря на различные потрясения, некоторые Поместные Церкви оказывали не только духовное, но и политическое влияние, существенным образом воздействуя на ситуацию в своих странах (Югославия, Румыния, Греция и др.).

Хронологические рамки исследования в основном охватывают время с 1918 по 1939 гг., но в отдельных случаях освещалась история Православных Церквей Юго-Востока Европы и русской церковной эмиграции в предшествовавшие десятилетия и даже столетия для лучшего понимания предыстории описываемых событий. Территориально работа ограничена главным образом Балканским полуостровом — историческим ядром православия, где православное население преобладает и в наши дни. В публицистике Балканы справедливо получили наименование «пороховой бочки Европы». В этом взрывоопасном регионе, где в XX в. зарождалось и бушевало большое количество войн, в 1920–1940-х гг. проживала значительная часть русской церковной эмиграции и находились руководящие органы Русской Православной Церкви Заграницей.

В ряде случаев исследование выходит за пределы Балкан. Исторически и политически Венгрия и Румыния относятся к Юго-Восточной Европе, на их территории существовали сербские общины, и история православия в этих странах имела балканскую специфику.

Значительное внимание в монографии уделено деятельности Русской Православной Церкви в странах Юго-Восточной Европы в 1918–1939 гг. В этот период русское духовенство играло значительную роль в религиозной жизни Восточной Европы. Оно было более образованно, активно, креативно, чем местные православные священнослужители, и поэтому с начала 1920-х гг. зачастую выступало инициатором многих важных духовных процессов: способствовало возрождению монашества, созданию духовных учебных заведений, развитию богословской науки и т.д.

Некоторые страны Юго-Восточной Европы после Первой мировой войны обрели независимость или значительно расширили свои территории, поэтому многое в их внутреннем устройстве, в том числе в церковной жизни, пришлось создавать заново, и в данном деле русские священнослужители смогли ярко проявить себя. Этому способствовала историческая вековая традиция воспринимать Церковь могущественной Российской империи (хотя уже и не существующей после 1917 г.) как ведущую в православном мире.

В ряде неправославных по основному составу населения стран (где отсутствовали местные устойчивые православные традиции) русские

священнослужители даже играли заметную роль в попытках создания новых Православных Церквей: в Венгрии, Албании, Хорватии, Чехословакии. Далеко не везде эти попытки (имеющие политический подтекст) увенчались успехом, однако они так или иначе способствовали укреплению православной традиции.

Первые православные русские храмы появились в Юго-Восточной Европе в начале XIX в. Однако численность их прихожан оставалась небольшой. Ситуация изменилась после Октябрьской революции 1917 г. и окончания Гражданской войны в России. Пределы страны покинули около двух миллионов представителей белой эмиграции, не смирившихся с победой советской власти. Из них более 200 тысяч к началу 1920-х гг. поселились в странах Балканского полуострова, прежде всего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии). Такое количество эмигрантов способствовало значительной активизации русской церковной жизни.

Как существовавшие ранее, так и появившиеся после 1917 г. православные общины не имели единого управления и принадлежали к трем юрисдикциям, к началу 1930-х гг. возникшим на основе прежде единой Русской Церкви: Московский Патриархат, Русская Православная Церковь Заграницей с центром в югославском городе Сремские Карловцы (карловчане) и Временный экзархат Константинопольского Патриарха на территории Европы с центром в Париже, который возглавлял митрополит Евлогий (по имени главы — евологиане). Правда, общин Московского Патриархата в Юго-Восточной Европе к началу Второй мировой войны практически не осталось, немного было и евологианских приходов. Подавляющее большинство священнослужителей и мирян принадлежало к Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).

Эта Церковь хотя и была относительно небольшой по численности, однако обладала значительным авторитетом и поэтому играла заметную роль в определении общей церковной ситуации на Юго-Востоке Европы. Паства РПЦЗ проживала в Болгарии, Румынии, Греции, Венгрии, Турции и даже в Албании, но в основном в Югославии. На территории этого государства в начале 1920-х гг. поселились до 120 тысяч русских эмигрантов (правда, затем их число существенно сократилось). Они построили шесть церквей и часовен, создали более десяти приходов, многочисленные духовные братства.

Монахи из России проживали во многих сербских монастырях и, кроме того, образовали еще два самостоятельных — мужской в Мильково и женский в Хопово. На богословском факультете Белградского университета преподавали несколько русских профессоров и обучались десятки русских студентов. В г. Сремски Карловцы (с 1941 г. — в Белграде) находился руководящий орган РПЦЗ — Архиерейский Синод во главе с председателем митрополитом Анастасием (Грибановским¹).

Уже через пару лет после прихода нацистов к власти в Германии, в конце 1935 — начале 1936 гг., Юго-Восточная Европа оказались в поле зрения их внешней политики. Расположенные в этом регионе государства населяли в основном православные народы — сербы, черногорцы, македонцы, болгары, румыны, греки и т.д. Национальные Православные Церкви традиционно играли большую роль в жизни балканских стран, и Германский МИД еще до оккупации Греции и Югославии в 1936–1941 гг. постоянно пытался различными способами включить их в сферу влияния III рейха. Этот фактор оказывал заметное влияние и на нацистскую политику в отношении Русской Православной Церкви.

Историография избранной темы не очень велика. Советскими учеными история Православных Поместных Церквей в первой половине XX в., а также деятельность Русской Православной Церкви за пределами СССР, в том числе на Балканах, практически не изучалась. С 1990-х гг. в России стали появляться труды, рассматривающие те или иные аспекты избранной темы. Истории русской церковной эмиграции в Югославии посвящена небольшая, но интересная книга В.И. Косика². Значительный вклад в изучение истории Поместных Православных Церквей, в том числе в период между двумя мировыми войнами, внес преподаватель Московской духовной академии К.Е. Скурат³. Отдельные использованные сюжеты рассматривались в работах

---

¹ Bundesarchiv Berlin (BA), 62Di 1/85. Bl. 52; Григорьевич Б. Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 11–113.

² Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века). М., 2000.

³ Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. В 2 ч. М., 1994; *Его же*. Исторический очерк Православной Церкви Чешских земель и Словакии // Богословский вестник Московской духовной академии и семинарии. 2003. № 3. С. 179–191.

Глава I

Греческие Церкви в межвоенный период

1. Константинопольский Патриархат

Первая половина XX в. стала для Константинопольского Патриархата временем тяжелых испытаний, реформ и серьезных конфликтов с другими Поместными Православными Церквями и светскими властями ряда государств. Одно время под угрозой находилась даже сама дальнейшая возможность его существования. И все же в целом он смог не только сохраниться, но и после бурных потрясений вновь существенно расширить свое влияние. При этом заметную роль играли непростые взаимоотношения Фанара с Московским Патриархатом и русской православной эмиграцией.

К моменту революционных событий 1917 г. и окончания Первой мировой войны Константинопольский Патриархат являлся одним из самых значительных и влиятельных в православном мире. В его состав входили 40 расположенных на территории Османской империи епархий с общим числом верующих более 2 миллионов человек (в том числе 30 епархий в Малой Азии). Патриарший престол занимал владыка Герман V (в миру Георгий Кавакпулос). Он родился в 1835 г. в Константинополе (Стамбуле), окончил начальную школу Фанара, Великую национальную школу в Стамбуле и Халкинскую богословскую школу (1863), где принял монашество и был рукоположен во диакона. 22 августа 1864 г. о. Герман был возведен в сан великого архиерея, 12 марта 1867 г. хиротонисан в митрополита Коса. С марта 1874 г. по февраль 1876 г. он состоял членом Священного Синода и возглавлял центральное попечительство над органами образования. 19 февраля 1876 г. владыка Герман был перемещен на Родосскую митрополию, в 1886 г. вновь избран членом Священного Синода. После отставки Патриарха

Иоакима IV (14 ноября 1886 г.) его, несмотря на молодость, рассматривали в качестве кандидата на Патриарший престол. С 1887 г. на всех выборах Первосвященителя он выступал одним из основных кандидатов, но всякий раз вычеркивался из избирательных списков Высокой Портой. Новый Патриарх Дионисий V опять избрал владыку Германа членом Синода (до 1888 г.), затем он был перемещен на Иракийскую митрополию. В 1890 г. митрополит снова был призван в члены Синода и стал ближайшим помощником Патриарха Дионисия V в борьбе с Портой за права и прононии Церкви. 3 октября 1890 г. во всех храмах Константинопольского Патриархата был объявлен интердикт — прекращение богослужений в знак протеста против политики турецких властей. Эта мера, вызвавшая осуждение российской дипломатии и священноначалия, а также умеренно настроенных греческих иерархов, тем не менее сыграла свою роль. К концу декабря 1890 г. конфликт с Портой был улажен, и паства справедливо считала владыку Германа победителем в борьбе за права Церкви.

В 1880–1890-е гг. он был председателем Смешанного Совета при Патриархии, народных благотворительных учреждений, попечительства над Халкинской богословской школой, Великой национальной школой, патриаршего печатного органа «Церковная правда» («Церковная истина») и патриаршей типографии, комиссий по архиерейским имуществам и экономической. При этом митрополит Герман возглавлял группу иерархов, которые ориентировались на греческий национальный центр в Афинах и противостояли в этом плане вторично управлявшему Церковью с 25 мая 1901 г. Константинопольскому Патриарху Иоакиму III, отстаивавшему идею вселенского главенства. Владыке Герману оказывало поддержку влиятельное в Османской империи православное семейство банкиров Стефановиков (Стефановичей), именно он убедил Павла Стефановика профинансировать восстановление разрушенных в 1896 г. землетрясением зданий богословской школы на острове Халки. 10 мая 1897 г. владыка Герман был перемещен на Халкидонскую митрополию, где он на средства П. Стефановика построил храм Пресвятой Троицы и училище для девочек²⁸.

---

²⁸ Гердт Л.А. Герман V, Патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 263.

Владыка Герман был избран Патриархом в возрасте 63 лет 28 января/10 февраля 1913 г. (после смерти 13 ноября 1912 г. Патриарха Иоакима III), 5 февраля состоялась его интронизация. По мнению греческих историков, в течение своего патриаршего служения Герман V постоянно дистанцировался от духа и буквы принятых в 1860 г. Церковно-народным собранием четырех «Общих уставов» Патриархата. Он был сторонником прежней системы управления Константинопольского Патриархата, известной как «геронтизм». Согласно этой, существовавшей с середины XVIII в. до 1860 г. системе, несколько старейших митрополитов-геронтов, постоянных членов Синода (сначала 6, а потом 12), приезжавших в Константинополь на длительный срок из своих резиденций, в частности из Никомидии, Никеи, Халкидона, Деркона, Кизика, Кесарии, Ираклии (Гераклеи) и Эфеса, осуществляли основные линии управления. У геронтов хранилась печать Патриархата, и для принятия каждого документа требовалось их согласие, подписи и оттиск печати. Патриарх Герман также подбирал членов Священного Синода по своему усмотрению, а не на основе списка избранных епископов, подаваемого согласно «Общим уставам»²⁹.

Однако важнейшие положения этих уставов сохраняли свою силу. Священный Синод состоял из 12 архиереев, сменяемых через два года, причем никто из архиереев — не членов Синода — не мог находиться в Константинополе без специального разрешения Патриарха. Равным образом члены Синода, заседания которого должны были происходить два раза в неделю, не могли отлучаться из столицы. Кроме того, согласно «Общим уставам», было создано особое административное учреждение — Постоянный смешанный совет из 12 членов — четырех архиереев и восьми мирян. В их обязанности входило следить за исполнением завещаний и других актов, рассмотрение вопросов по наследству, наблюдение за школами, больницами, другими богоугодными заведениями и т.д. Таким образом, Патриарх формально (а нередко и фактически) был подчинен в церковных делах Синоду, а в гражданских — Постоянному смешанному совету. Допуск мирян в церковные дела проложил путь к политизации Константинопольской Церкви,

---

²⁹ *Нанакис А.* История Вселенского Константинопольского Патриархата в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 30–31, 40.

которая постепенно попала в зависимость от националистически настроенных богатейших греческих жителей Османской империи, тесно связанных с правительством Греческого королевства. Как справедливо отмечала петербургская исследовательница Л.А. Гердт: «Крайний греческий национализм был тем веянием, которое привнес в церковную жизнь второй половины XIX в. Смешанный совет»³⁰.

В 1912–1913 гг. Константинопольская Патриархия приняла непосредственное участие в борьбе с движением русских монахов-имяславцев на Святой Горе Афон. 27 августа Халкинская богословская школа по поручению Патриарха рассмотрела учение имяславия (имябожия) и признала его еретическим³¹. 12 сентября 1912 г. «новое лжеучение» было осуждено грамотой Патриарха Иоакима III³². 29 января 1913 г. иноки Свято-Андреевского скита, который стал основным центром движения, были объявлены Протатом Святой Горы отлученными от Церкви впредь до суда Константинопольской Патриархии и запрещенными в служении. 5 апреля того же года имяславие было осуждено как ересь новым Вселенским Патриархом Германом V³³.

Константинопольский Патриарх поддержал Святейший Синод Российской Церкви в подавлении движения и содействовал насильственной высылке имяславцев с Афона. При этом он обратил внимание Святейшего Синода на то, что «с монахами, принявшими законным образом постриг на Афоне, нельзя обращаться как с мирянами и нельзя насильно заставлять их возвращаться в мир. Если они совершили поступок, который должен повлечь за собой снятие сана, то они должны предаваться церковному суду и лишь по утверждении приговора лишаться права носить мантию и клобук»³⁴.

---

³⁰ Гердт Л.А. Предисловие // Архимандрит Антоний Капустин. Донесения из Константинополя (1860–1865). М., 2013. С. 21–23.

³¹ Утверждение монахов, что «имя Божие есть Сам Бог», было изобличено как ересь «имябожия» или «ономатолатрии».

³² Утро России. 1913. 27 июля.

³³ Миндлин А.Б. Подавление религиозного движения русских монахов на греческом Афоне (по материалам российской прессы и Государственной думы) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 140.

³⁴ Утро России. 1913. 21 июля.

Указом Синода Российской Церкви от 24 августа 1913 г. иноки, не принявшие его послания с осуждением имяславия, были запрещены в священнослужении и причащении Святых Таин. В послании к Святейшему Синоду Патриарх Герман V выразил пожелание, чтобы изгнанные монахи даже в случае раскаяния не могли быть возвращены на Афон³⁵. При этом Святейший Синод не хотел заниматься судебным разбирательством с имяславцами, стараясь передать его Константинопольской Патриархии. Однако Патриарх Герман V тоже не желал разбирать «афонское дело» и в послании от 11 декабря 1913 г. отклонил предложение Синода, предоставив ему самому определить судьбу афонитов. В кругах, близких к Святейшему Синоду, подобный ответ расценили как нежелание предоставить возможность русским инокам, даже раскаявшимся, вновь водвориться на Святой Горе³⁶.

В первые месяцы после начала, летом 1914 г., Первой мировой войны Вселенский Патриарх занял явно выраженную протурецкую позицию. В этой связи в российской прессе приводился следующий факт: «Греческий патриарх в Константинополе обратился с посланием ко всем греческим митрополитам Турции, в котором предписывает в каждое воскресенье за обедней молиться за здоровье султана и о победе Турции над Россией. Патриарх пожертвовал тысячу пар сапог для турецких солдат»³⁷.

Менее чем через год в ходе переговоров между странами Антанты была достигнута договоренность о передаче России после окончания войны Константинополя. Это соглашение было оформлено памятной запиской британского посла в Петрограде Бьюкенена (от 12 марта 1915 г.) и нотой французского правительства (от 16 апреля 1915 г.). Весной того же года российское Министерство иностранных дел поручило своему чиновнику Георгию Сергеевичу Фонвизину (бывшему посланнику) подготовить записку, которая должна была послужить в качестве необходимой информационно-справочной базы при «определении будущего устройства Святой Земли» и статуса Святых мест Палестины при разделе территории Османской

---

³⁵ Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009. С. 163–164; Забытые страницы русского имяславия. М., 2001. С. 299–300.

³⁶ Миндлин А.Б. Указ. соч. С. 146–147.

³⁷ Миссионерский сборник. Рязань. 1914. № 12. С. 987.

империи, а затем — информационно-аналитическую «Записку о Вселенской Патриархии», которую он закончил 6 (19) октября 1916 г.³⁸

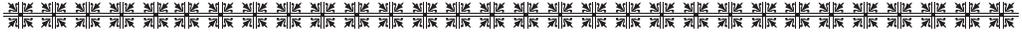
Вторая записка Г.С. Фонвизина заключала в себе ответы на целый ряд важных вопросов, которые поставила война перед Российской империей. Среди них были вопросы о Константинополе, дальнейшей судьбе Вселенского Патриархата после «водворения русской власти» в Царьграде, а также «вопрос об Афоне, ввиду того что он остался вне территориальных границ Турции, будучи оккупирован греческими войсками» в ходе Балканской войны 1912 г. Примечательно, что в афонском вопросе точки зрения российского МИДа и Вселенской Патриархии «если не совсем совпали, то, во всяком случае, оказались весьма близкими, ибо одним из пожеланий, выраженных Россией относительно Святой Горы, было дальнейшее оставление ее под духовным главенством Вселенского Патриарха»³⁹.

В начале записки давалась картина устройства Константинопольской Церкви и ее управления, рассматривались отношения Вселенской Церкви к Греции и к России после Балканских войн, в результате которых Фанар оказался под жестким контролем греческого правительства, а к России стал относиться непорядочно и неискренне. Однако в дальнейшем он стал задумываться над возможностью изменения опоры на Афины в пользу Петрограда. Отказавшись от идеи уничтожения самостоятельности Константинопольской Церкви, автор записки предлагал несколько изменить ее положение и внутреннее устройство. Наиболее подробно Г.С. Фонвизин останавливался на теме развития отношений между русской церковной властью и Вселенским Патриархатом, а также на проблеме отношения Фанара к русской гражданской администрации. Если при османской власти архиереи этого Патриархата отчасти привлекались к гражданскому управлению, то «при русской власти гражданский строй не потребует участия вероисповедных духовных представителей», и «иерархи не будут более отвлекаться от исполнения своих церковных обязанностей». Автор

---

³⁸ Якушев М.И. *Прожекты Российской империи относительно судьбы Босфора и Дарданелл, Константинополя и Вселенского Патриархата после победы Антанты в Первой мировой войне.* М., 2013. Рукопись. С. 6–7.

³⁹ Там же. С. 8.

Глава II

Поместные Православные Церкви славянских стран

1. Сербский Патриархат

Христианство пришло в Сербию, как и в Киевскую Русь, из Византии, но несколько раньше — в IX в., с 1219 г. существовала Сербская архиепископия, когда святой Савва (1176–1235) стал первым архиепископом, а в 1346 г. Сербская Церковь была провозглашена Патриархатом с резиденцией Патриарха в г. Печ (признанным Константинопольской Патриархией в 1375 г.). Через 300 лет после завоевания Сербии Османской империей — в 1766 г. Печский Патриархат был упразднен турками, а его территория подчинена Константинопольскому Патриарху.

Духовные связи сербов и русских начали развиваться с XII в., благодаря установлению прочных взаимоотношений русских обитателей Афона с Сербией и Сербской Православной Церковью. В 1191 г. в русском Свято-Пантелеимоновском монастыре (Старом, Нагорном Руссике) принял иноческий постриг княжич (сын великого жупана Стефана Немани) Растко Неманич — один из самых известных сербских святых — св. архиепископ Савва — основатель автокефальной Сербской Церкви. Свой выбор стать иноком на Афоне он сделал в результате беседы с русским святогорцем, насельником Руссика, ходившим по послушанию в Сербскую землю.

В монастыре св. вмч. Пантелеимона св. Савва впервые встретился с древнерусскими книгами, поэтому в его трудах появилось так много русских слов. «Законоправило» («Номоканон»), или «Славянская Кормчая», св. Саввы Сербского появилась на Руси в 1225 г., получила большое распространение и во множестве переписывалась, особенно в XIV и XVI вв. По благословию Патриарха Русского Иосифа «Законоправило» было впервые напечатано

в 1650 г. Эта книга законов стала настольным церковно-правовым руководством для всех славянских Церквей, объединяя их канонически.

После установления на Руси татаро-монгольского ига сербские князья и цари оказывали разнообразную помощь и покровительство русскому монашеству Афона вплоть до захвата их страны Османской империей. Так, в середине XIV в. Руссик, в котором в то время пребывало много сербов, находился под покровительством сербского царя Стефана Душана Сильного, передавшего в 1347 г. в обитель честную главу св. вмч. Пантелеимона Целителя, а в 1380-е гг. ктитором Свято-Пантелеимоновского монастыря был святой князь Лазарь Греблянович (павший в июне 1389 г. в битве с турками на Косовом поле). Князь Лазарь передал обители церковь Спаса в Хвосне (Метохия), желая, чтобы русские монахи имели там свой храм и имение, а его вдова — княгиня Милица подарила монастырю св. вмч. Пантелеимона большое монастырское имение (метох) в Сербии. Последним сербским ктитором монастыря являлась дочь деспота Гюрга Бранковича, мачеха султана Мухаммеда II Завоевателя. Так в Старом Руссике возникла и окрепла духовная связь русского и сербского народов³¹⁵. В архиве Руссика сохранилось 16 хартий (хрисовулей) сербских князей и царей.

За все 200 лет своего покровительства Свято-Пантелеимоновскому монастырю властители Сербии никогда не пытались сделать его сербским, но всегда констатировали, что являются лишь временными хранителями монастыря, пока русские князья вновь не получают возможности покровительствовать ему. Существенная заслуга сербов состояла в том, что они не просто поддержали обитель материально в трудное для Руси время, но и сохранили ее устав и традиции, которые затем передали новым поколениям русских насельников, вернувшимся в свой монастырь в XV в.

В 1355 г. сербский царь Урош уступил русским монахам монастырь св. Богородицы Браинской в деревне Губавац, примерно в 20 километрах от местечка Медведжа, у современной административной границы Сербии с Косово. Этот монастырь предположительно позднее разрушило принявшее

---

³¹⁵ Ст а р ц ы — возобновители Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне. Ч. I. Духовник Иероним, или Жизнеописание иеросхимонаха Иеронима (Соломенцева). Святая Гора Афон, 2014. С. 73–74.

ислам местное население, желая уничтожить материальные свидетельства, напоминающие о православии в крае. В 1382 г. русский афонский монастырь св. вмч. Пантелеимона, с позволения сербского князя Лазаря, создал в Сербии дочерний монастырь на реке Дренча. Строителем этой обители был русский инок Дорофей (еще в 1950 г. руины монастыря на реке Дренча существовали в окрестностях Трстеника).

В период татаро-монгольского ига определенная помощь со стороны сербских правителей оказывалась и Церкви в самой Руси. Так, в житии царя Драгутина (1273–1316) говорится, что он «Русской земле не один раз посылал свои щедрые дарования святым церквам и монастырям и много милостыни нищим и малосильным. Ибо в той земле имел он любимого приятеля, князя Василия, и ему по достоинству должную честь отдавал, посылая ему сладкие слова вместе с великолепными дарами царскими»³¹⁶. Драгутин действительно посылал дары пострадавшим от татарских набегов русским храмам и обителям и был в дружеских отношениях с великим князем Василием I Ярославичем.

Постепенно все большее значение приобретали русско-сербские и духовные связи. Русский историк Николай Иванович Петров так охарактеризовал их: «В благополучные для них времена сербы обработали свою культуру, но, теряя политическую самостоятельность и попадая под турецкое иго, они передали плоды своего образования России, которая, пользуясь ими, стала со своей стороны Защитницей и Учительницей сербам»³¹⁷.

Сербское духовное влияние на Русь оказывалось в основном путем отправки книжных произведений, а также трудами богословски образованных сербов на русских землях. Это было особенно заметно после смерти царя Душана, когда внешнеполитическая ситуация в Сербии резко ухудшилась, и многие богословы стали покидать ее. Константинопольский Патриарх, в юрисдикции которого тогда находилась Русская Церковь, нередко посылал на Русь по церковным делам ученых афонских монахов — сербов, знающих греческий язык, и некоторые из них там оставались на службе. Самым известным из них был серб (по другим источникам — болгарин) митрополит

---

³¹⁶ Данинич Д. Живот кральева и архиепископа српских, Загреб, 1866. С. 39–40.

³¹⁷ Петров Н.И. Исторический взгляд и связи отношений между сербами и русскими. Киев, 1876. С. 28.

Киприан, сначала ставший митрополитом Киевским, а в 1389 г. вступил на трон Московской митрополии. Владыка Киприан скончался в 1406 г. и был похоронен в Успенском соборе Кремля.

Похожий путь проделал еще один серб — митрополит Киевский и Литовский Григорий (Цамблак). Он учился на Афоне, участвовал в исправлении богослужебных книг последнего Патриарха Болгарского Ефтимия, имел связи и с Сербией. В частности, будучи игуменом Высоко-Дечанского монастыря, владыка Григорий обогатил сербскую литературу житием Стефана Дечанского и произведением о переносе мощей св. Параскевы в Сербию во времена царицы Милицы и деспота Стефана Высокого. Ему приписывается и житие св. Ромила Пустынника, который подвизался и скончался в монастыре Раваница.

Третьим известным афонским монахом — сербом, приехавшим на русские земли (во времена князя Василия Васильевича), был Пахомий Логофет (или Пахомий Серб). Он считается одним из самых плодovitых духовных писателей Руси. Пахомию приписывают 35 составов и богатый «Русский хронограф», в который он включил и жития Стефана Высокого, Стефана Дечанского³¹⁸.

Подобные отношения продолжались до 1459 г., когда Сербия окончательно потеряла свою государственность. С того времени она несколько веков обращалась к России, прося оказать ей материальную и духовную помощь. Взаимоотношения сербских иерархов с русскими землями были устанавлены в XV в., когда монахи белградского монастыря Успения Пресвятой Богородицы посетили Великое княжество Московское с просьбой об оказании помощи. С этими монахами великий князь Василий III Иоаннович (1479–1533) направил сербскому митрополиту и «деспотице» (правительнице) Ангелине послания и щедрые пожертвования.

В 1508 г. вдова сербского деспота Стефана и мать последнего деспота Иоанна, инокиня Ангелина, причисленная впоследствии к лику святых, торжественно передала великому князю Василию III в собственность право на русский Свято-Пантелеимоновский монастырь. Сербские государи, в течение веков оказывавшие поддержку русской обители, теперь сами были в трудном положении, попав под турецкое иго. Святая Ангелина призвала князя оказать

---

³¹⁸ Шахматов А. Пахомий Логофет и хронограф // Журнал Министерства просвещения. СПб., 1899. С. 200–207.

помощь русской обители — его древней отчине и дедине, что и произошло. Но русские государи и цари осознали себя ктиторами и хранителями всей Святой Горы и других православных народов, каковыми некогда были византийские императоры и сербские государи. С посланцами игумена русского Свято-Пантелеимоновского монастыря Василий III неоднократно посылал милостыню в сербскую землю — в митрополию, монастыри и самой преподобной Ангелине³¹⁹.

Этому сопутствовала женитьба Василия III на Елене Глинской, матерью которой была дочь сербского деспота (герцога) Стефана Якшича Анна. От этого брака родился будущий царь Иван Васильевич IV Грозный. Будучи сиротой уже с пяти лет, он воспитывался бабушкой Анной Якшич, которая прививала ему церковность сербского народа.

В 1550 г. в Москву приехал игумен афонского сербского монастыря Хиландар Паисий, и он был сердечно принят царем. В 1556 г. Хиландар получил от Ивана IV Грозного богатые дары и в качестве подворья в Москве Никольский монастырь в Китай-городе. Подворье было задумано в качестве духовного моста с православными славянскими народами. Вместе с грамотой на подворье Хиландару был послан и занавес с царскими вратами, обрамленный изображениями русских и сербских святых, вышитыми золотом, серебром и шелком, с нимбами, унизанными жемчугом и алмазами. Этот дар и сейчас является самой драгоценной реликвией Хиландара. В ответ хиландарские монахи в 1558 г. подарили царю икону Святой Богородицы (в серебряной ризе), ранее принадлежавшую свт. Спиридону, Патриарху Сербскому (1382–1387). Возвращаясь на Афон, игумен Паисий увез с собой грамоту с обращением к турецкому султану, в которой русский царь требовал освобождения от дани православных монастырей на Святой Горе. Это был первый дипломатический документ, в котором Россия выступила в защиту сербов перед Османской империей. Царь Иван IV щедро помогал и другим сербским монастырям: Студеницу, Милешеву и т.д.

В конце XV — начале XVI вв. было основано большинство монастырей так называемого Сербского Афона — на склонах Фрушкой горы, в 15 километрах

---

³¹⁹ Ст а р ц ы — возобновители Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне. Ч. I. С. 74–75.